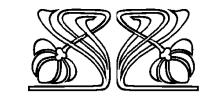
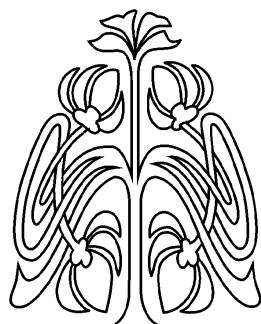
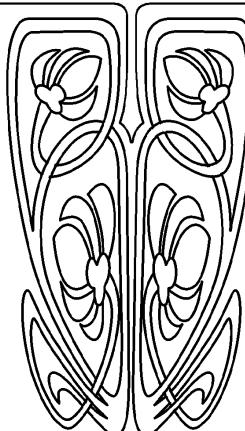

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 24–30

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 24–30

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-24-30>, EDN: НВЕАМО

Научная статья

УДК 94(37)+929 Цицерон

Этика и политическая прагматика в первой филиппике Цицерона против Марка Антония

Д. А. Беляева

Российский государственный гуманитарный университет, Россия, 125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6

Беляева Дарья Андреевна, аспирант кафедры Всеобщей истории, sharky36@narod.ru, <https://orcid.org/0009-0002-6849-9891>, Author ID: 982141

Аннотация. В статье рассматривается первая филиппика против Марка Антония в качестве источника, который раскрывает как определенные биографические обстоятельства в жизни Цицерона, так и его представления и идеалы, связанные с поведением политика. Анализ первой филиппики как политического действия, подобного тому, которое Цицерон совершил в начале своей карьеры, защищая в суде Секста Розия Америйского, позволяет рассмотреть его взаимоотношения с Марком Антонием в динамике и определить, каким образом филиппики как реальное политическое действие соотносятся с представлениями о политике, транслировавшимися Цицероном.

Ключевые слова: Рим, Цицерон, Марк Антоний, гражданская война, сенат, политический террор, проксипции

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках работы по научному проекту Российского государственного гуманитарного университета «Человек, общество и власть в Римской империи в условиях трансформации» (конкурс «Студенческие проектные научные коллектизы РГГУ»).

Для цитирования: Беляева Д. А. Этика и политическая прагматика в первой филиппике Цицерона против Марка Антония // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 24–30. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-24-30>, EDN: НВЕАМО

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ethics and political pragmatics in the First Philippic of Cicero against Mark Antony

D. A. Beliaeva

Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Square, Moscow 125047, Russia

Daria A. Beliaeva, sharky36@narod.ru, <https://orcid.org/0009-0002-6849-9891>, Author ID: 982141

Abstract. The article analyzes the First Philippic against Mark Antony as a source that reveals both certain biographical circumstances in the life of Cicero, and his ideas and ideals related to the behavior of a politician. An analysis of the First Philippic as a political action, similar to the one that Cicero performed at the beginning of his career in his speech "Pro Roscio Amerino", allows us to consider his relationship with Mark Antony in dynamics and to find out how the Philippics correlate with Cicero's ideas about politics accredited.

Keywords: Rome, Cicero, Mark Antony, civil war, senate, political terror, proscriptions

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the research project of the Russian State Humanitarian University "Individual, society and power in the Roman Empire in the context of transformation" (grant competition "Student project research teams of the Russian State University for the Humanities").

For citation: Beliaeva D. A. Ethics and political pragmatics in the First Philippic of Cicero against Mark Antony. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 24–30 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-24-30>, EDN: HBEAMO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Марк Туллий Цицерон – оратор и мыслитель, повлиявший на философию государства и права во всей последующей истории европейской цивилизации. Личность Цицерона до сих пор вызывает неутихающие споры: его верность идеалам республики причудливо сочетается с изменчивостью в выборе политических союзников. Цицерон видел в устройстве Римской республики политическое и этическое совершенство, однако время, в которое ему довелось жить и работать, известно именно жестокостью и политическими катализмами. Но как раз в такие времена человеку свойственно искать опору в абстрактных идеалах, которые дают прежде всего надежду на изменения к лучшему. Мифологизация прошлого республики в представлениях Цицерона – это его путь к осмыслиению собственной жизни, политической карьеры и условий, в которых ему приходилось развивать свои идеи. Цицерон остался для потомков, с одной стороны, образцом величайшей смелости, верности своим идеалам, с другой – примером политической изменчивости и слабоволия. В качестве политической фигуры Цицерона часто рассматривают как своего рода «оппортуниста», однако в данной статье проанализированы только начало и конец его карьеры, когда в равной степени проявились свойственные политику смелость и мужество перед лицом опасности, исходившей сначала от султанцев, а затем от Антония.

Судьба Цицерона неразрывно связана с историческими и человеческими трагедиями его времени. Он сделал первые шаги в своей карьере во время султанского террора, произнеся «Речь в защиту Публия Квинкция» (81 г. до н. э.), которая касается финансового спора между контрагентами. Этот спор, однако, включал в себя и политическое содержание, связанное с внесением в проскрипционные списки поручителя Публия Квинкция. Более известно другое выступление Цицерона – «Речь в защиту Секста Росция Америйского» (80 г. до н. э.), фактически осуждавшая проскрипции на примере дела Секста Росция, чей отец в целях отъема его имущества был посмертно внесен в проскрипционный список. Цицерон начинал свою деятельность в атмосфере политического террора и страха, охватившего все слои общества, о чем сам оратор и говорит в этой речи: «Все те, кто, как видите, находится здесь, полагают, что в этом судебном деле надо дать отпор несправедливости, порожденной неслыханным злодейством, но сами они дать отпор, ввиду неблагоприятных обстоятельств нашего времени,

не решаются. Вот почему они, повинуясь чувству долга, здесь присутствуют, а, избегая опасности, молчат» (Cic. *Pro Rosc. I.1* – пер. В. О. Горенштейна) [1, с. 230].

Уже в одной из первых своих речей Цицерон говорит, будучи человеком, как он сам признает, незначительным, а значит находящимся в относительной безопасности, о чувстве морального долга, об общественной необходимости защищаться от несправедливости. Р. Сигер, к примеру, полагает, что практически любой представитель нобилитета, включая и самого Суллу, вынужден был согласиться со сказанными Цицероном словами [2, с. 815]. Сила речи Цицерона и ее моральная универсальность действительно оставляет чрезвычайно мало пространства для дискуссии о судьбе Секста Росция и моральных качествах его противников. Х. Хабихт, который несколько раз характеризует Цицерона как слабого политика, особенно по сравнению с Цезарем и Октавианом, отмечает его смелость в деле Секста Росция Америйского. Исследователь в целом считает, что Цицерон мало подходил для политической карьеры, являясь по природе своей больше философом и оратором, «ему всегда недоставало смелости и политического чутья» [3, р. 51]. Именно поэтому речь в защиту Секста Росция так выделяется в политической карьере Цицерона – она как раз является примером открытого протеста, политической воли и даже в какой-то мере демонстрацией политического чутья еще очень молодого адвоката.

Итак, встав на политический путь, Цицерон не побоялся опасностей, которые поджидали его на этом пути. Пройдя долгой и тернистой дорогой, Цицерон, начавший продвигаться по карьерной лестнице в эпоху султанского террора, погиб во времена террора, организованного уже вторым триумвиратом. Личность Цицерона связывает воедино две остройшие волны насилия в эпоху трансформации Республики.

Уже в начале своей карьеры Цицерон, будучи человеком умным и предусмотрительным, однако в то же время уверенным в своих идеях и готовым бороться за свои убеждения, говорит о страхе, о достоинстве и при этом выказывает понимание тем, кто тогда вынужден был молчать. Для молодого Цицерона финал его жизни был, конечно, неведом, но именно террор, против которого он так мужественно выступил в начале своей деятельности как адвоката, ощущая некоторую безопасность, данную ему статусом homo

novus и отсутствием у него в то время политической значимости, погубил его в дальнейшем.

Рассвет политической карьеры Цицерона пришелся на период между проскрипциями Суллы и проскрипциями второго триумвирата. Разумеется, важные события произошли благодаря деятельности Цицерона в тот период, и значительный корпус его текстов сформировался именно тогда, однако не стоит забывать, что и начало карьеры Цицерона в его молодые годы, и ее драматический финал связаны как раз с проскрипционным террором.

Кроме того, взлеты в карьере Цицерона и трагические моменты в его жизни как частного лица связаны с невозможностью и нежеланием прекратить политическую деятельность и удалиться от дел. Решение оратора до конца оставаться в политике было продиктовано как чувством патриотизма, так и внутренним тщеславием, которые не противоречили друг другу, а наоборот лишь усиливали мотивацию сильной личности к действию. А. А. Мотус пишет о «фатальном выборе» Цицерона оставаться в русле политической жизни. Исследовательница полагает, что он не мог отойти от политики, так как продолжал считать себя «отцом и спасителем Отечества», его тяготило отсутствие публичной жизни, в чем он признавался другу Аттику, и это желание активно заниматься политикой в итоге привело его к конфликту с Цезарем, а затем и с Антонием [4, с. 5]. Об этом же пишет Х. Хабихт: Цицерона погубила жажда внимания и славы, она не раз заставляла его делать опасные вещи. Следуя за Х. Хабихтом, приходится признать Цицерона склонным впадать в крайности во всем: и в самоуверенности, и в унынии [3, р. 129].

Немецкая классическая историография настроена к Цицерону весьма негативно. Теодор Моммзен в своей знаменитой «Римской истории» крайне нелестно отзывается о нем: ученый характеризует его поведение как трусливое и лицемерное. Более того, свою антипатию Т. Моммзен не скрывает даже в отношении тех областей деятельности Цицерона, в которых его традиционно оценивают высоко. Антиковед рассматривает Цицерона как хорошего писателя, однако даже в этом, по его мнению, заслуги Марка Туллия переоценены не только потомками, но и современниками, которых видный исследователь Рима считает куда более даровитыми представителями латинской словесности – Цезарем и Катуллом [5, с. 311]. Впрочем, Э. Роусон связывает антипатию Т. Моммзена к римской олигархии с его отношением к прусскому юнкерству [6, с. 504].

Такая оценка, вероятно, продиктована как монархическими симпатиями Т. Моммзена, так и его спором с предыдущей традицией, превозносящей Цицерона со времен итальянского Возрождения. Следует отметить, что еще до Т. Моммзена негативную оценку образа Цицерона в германском антиковедении высказал В. Друман в двух

последних томах своей шеститомной работы, посвященной политической борьбе в поздней Римской республике [7, S. 230–687]. Ученый подробно рассмотрел дело Секста Росция 80 г. до н. э. и показал, какую важную роль в нем сыграл молодой Марк Туллий [7, S. 249–259]. Антипатия В. Друмана может объясняться его политическими предпочтениями.

Резкость, с которой критикуют Цицерона немецкие историки, была проанализирована Г. Буасье. Он, в частности, подчеркивает монархические предпочтения Т. Моммзена и в целом подмечает настороженное и недоброжелательное отношение германских антиковедов к Марку Туллию. Г. Буасье утверждает, что действия Цицерона были продиктованы реальными политическими обстоятельствами. Интересно, что само принятие в труде французского историка членение жизни Цицерона на «частную» и «общественную» является собой пример противоречивого восприятия политического имморализма реальной деятельности Цицерона и его личной жизни, в которой есть место верности, дружбе и идеалам. Такое разделение подчеркивает традиционную для образа знаменитого оратора двойственность. Г. Буасье пишет о речи в защиту Секста Росция Америйского с большим уважением, упоминает, что Цицерон публично выступал, зная, что его слушают сулланцы, составлявшие проскрипционные списки, скопившие свои богатства точно так же, как обвинители Росция, посредством отъема имущества проскриптированных. Требовалось особое мужество, чтобы при этих людях произнести те слова, которые высказал Цицерон. Историк отмечает, что слова Марка Туллия «выражали тайные чувства всех, они облегчали общественную совесть, принужденную молчать и униженную этим молчанием» [8, с. 54].

Именно с этой речью связывает Г. Буасье первую филиппику, утверждая, что Цицерон заканчивает тем же, чем и начал – протестом среди всеобщего молчания, протестом против несправедливости и произвола перед ужасом и беспомощностью, охвативших Рим [8, с. 61]. Французский антиковед считает, что, несмотря на все недостатки Цицерона, именно в самые сложные для государства моменты он оказывается человеком, который, хоть и подвергался риску, но всё же указывал на несправедливость, поглотившую общество. Антоний и Сулла у Г. Буасье – это политики разного калибра, однако оба они поступают фундаментально несправедливо: Сулла – в отношении римских граждан, а Антоний – в отношении самой Республики.

Таким образом, мы видим, как Г. Буасье протягивает невидимую нить между Суллой и Антонием, между атмосферой страха эпохи проскрипций и правлением коррумпированного Антония. Хотя консул на момент произнесения первой филиппики еще не прибегал к проскрипциям, от него уже исходила потенциальная угроза.

Среди немецких классиков наиболеедержанно и нейтрально оценивает Цицерона Г. Штоль. Он отмечает, что Марк Туллий, хоть его действия и определялись чаще всего благими намерениями, не отличался сильным характером, его сложно назвать великим политиком, но можно рассматривать как человека, который искренне любил Рим и желал ему только блага. Г. Штоль отмечает, что опасность часто внушала Цицерону мужество, однако вскоре он начинал колебаться [9, с. 503]. Таким образом, Г. Штоль подчеркивает именно эту черту характера Цицерона: порывистость, способность к большим поступкам, смелость, пусть и «на короткой дистанции».

Наряду с тщеславными побуждениями, Цицерон, безусловно, руководствовался и благом отечества, которое полагал наивысшей целью для человека. На первый взгляд его мечты о *concordia ordinum* и ужас перед последствиями гражданской войны плохо сочетаются с последующей политической деятельностью, например, с желанием развязать борьбу против Антония, которая означала, несомненно, именно гражданскую войну. Его действия, в том числе и кооперация с Октавианом, косвенно привели к новой волне террора. Юноша, в котором Цицерон видел, хотел видеть или утверждал, что видел, *exemplum veteris sanctitatis* (Cic. *Phil.* III.15), то есть пример древней чистоты, оказывается хитрым и опасным противником. Однако в реальной политике Марк Туллий всегда руководствовался прежде всего наущной необходимостью и часто действовал под влиянием момента.

С. Л. Утченко останавливается на феномене взаимоотношений Цицерона с политическими партнерами и соперниками и приходит к выводу, что так или иначе всем политическим акторам того времени была свойственна некоторая непоследовательность, беспринципность, даже лицемерие. Цицерон не уникален по сравнению с Цезарем и Помпеем, Антонием и Октавианом. Сама римская политика того времени определяла эти качества, необходимые для достижения успеха [10, с. 93]. Часто этические представления Цицерона расходятся с его реальными политическими действиями. Выступление с первой филиппикой и дальнейшее противостояние с Антонием относится как раз к таким спорным поступкам Марка Туллия. К примеру, А. А. Мотус обвиняет Цицерона в том, что он открыто призывает в своем письме, адресованном Дециму Бруту, к гражданской войне с Антонием [4, с. 10].

Цицерона, часто высказывавшегося об ужасах гражданской войны, можно было бы обвинить в лицемерии, ведь своими действиями он фактически стремился развязать гражданскую войну с Антонием. Однако в этом намерении можно усмотреть и другие коннотации: так, в своем письме к Луцио Мунацию Планку от 5 мая 43 г. до н. э. он пишет следующее: «Итак, отдайся одной заботе, мой Планк: пусть не останется никакой искры

омерзительнейшей войны. Если это будет сделано, то ты и окажешь божественное благодеяние государству и сам достигнешь вечной славы» (Cic. *Epist.* 853.1 – пер. В. О. Горенштейна) [11, с. 404].

Здесь мы видим не только желание склонить к войне Планка, который занимал выжидавшую позицию, колеблясь между опциями поддержки Антония или сената. Цицерон, безусловно, пытается избавиться от Антония и склонить чашу весов в пользу сената, но для Марка Туллия гражданская война уже была начата, порядок в государстве уже был нарушен, и он рассчитывал на скорейшее завершение этой войны с выгодой для сената, то есть ужасы гражданской войны, которые описывал оратор, неизбежно свершились бы, и его целью было как можно скорее завершить уже имевшийся конфликт, а не разжечь новый.

Первая филиппика прозвучала в Сенате 2 сентября 44 года до н. э. Она действительно выглядит мягче остальных, произнесенных впоследствии, однако не стоит обманываться ее мягким тоном – требовалось большое мужество, чтобы выступить с этой речью в напряженной атмосфере консультства Антония.

Антоний в тот момент находился еще во всей своей политической силе, и Цицерон вынужден был опасаться сказанных им слов. Развивая отмеченное Г. Буасье сравнение начала и финала карьеры Марка Туллия, необходимо добавить, что оратор, произнося первую филиппику, был уже человеком влиятельным, и высказанное им когда-то в речи в защиту Секста Росция в полной мере теперь относилось и к нему самому: «Дело в том, что если бы кто-нибудь из присутствующих здесь людей, влиятельных и занимающих высокое положение, высказался и произнес хотя бы одно слово о положении государства (а это в настоящем деле неизбежно), то было бы сочтено, что он высказал даже гораздо больше, чем действительно сказал» (Cic. *Pro Rosc.* 2) [1, с. 236].

Эта фраза, призванная и оправдать, и осудить власть имущих, в конце карьеры и жизни Цицерона была актуальна и в отношении его самого. И он, зная, почему ему следует опасаться резких слов в адрес Антония, тем не менее их произносит. В этом коротком абзаце скрыта, в том числе и от самого оратора, его судьба. Произнося первую филиппику против Марка Антония, Цицерон, вероятнее всего, понимал, что последствия критики столь сильного противника станут для него куда более пагубными, чем даже защита Секста Росция в страшную сullanскую эпоху. Это заставило Цицерона опасаться за свою жизнь в дальнейшем. И именно это обуславливает мягкость, с которой он начинает свою речь, периодически напоминая о своем уважении к некоторым действиям оппонента. Марк Туллий высоко оценивает нейтралитет, к которому призывал Антоний после убийства Цезаря. Причем действия Антония

в тот момент, возможно, заслуживают искреннего признания со стороны Цицерона, потому что, во-первых, согласуются с его представлениями о необходимости мира в государстве, а, во-вторых, непосредственно гарантировали Цицерону и, в первую очередь, его единомышленникам безопасность.

Он называет речь Антония блестательной, а также говорит о благородстве его намерений и смелости, поскольку тот предложил заговорщикам для гарантии безопасности в качестве заложника своего сына Антилла: «*Praeclarum tum oratio M. Antoni, egregia etiam voluntas; pax denique per eum et per liberos eius cum praestantissimis civibus confirmata est*» (Cic. *Phil. I. 2*) [12, loc. cit.].

Мы видим здесь несколько важных моментов. Прежде всего, Цицерон не стесняется называть заговорщиков *praestantissimi cives*, т. е. «достойнейшими гражданами». Оратор использует наречие *denique* («наконец-то»), из чего можно предположить, что Цицерон демонстрирует, в каком качестве Антоний действительно принес стране долгожданный мир, уравняв сторонников и противников Цезаря. Складывается впечатление, что Марк Туллий отчасти даже раззадоривал противника им же объявленным нейтралитетом. Безусловно, было бы опрометчиво утверждать, что Цицерон и в самом деле уважал Антония, тем более что он говорил и о своей высокой дипломатической роли в построении *fundamenta pacis* («основы мира»), однако определенные мудрые действия Цицерон за ним всё же признает.

Итак, оратор воздает должное Антонию за некоторые его заслуги, в том числе и за отказ от диктатуры и возвращение Республике ее правовых основ, на которых будет впредь держаться свобода – отмену должности диктатора. Сложно поверить, что Цицерон всерьез воспринимал намерения Антония, но он выставляет напоказ прежние действия своего противника, стараясь показать контраст между первыми и последующими его поступками, чтобы вызвать чувство негодования у слушателя.

Цицерон говорит о заслугах Антония, более того, он приписывает ему излечение Республики от диктатуры и высоко оценивает сделанное им на пути достижения свободы: «Казалось, какой-то луч света засиял перед нами после уничтожения, уже не говорю – царской власти, которую мы претерпели, нет, даже страха перед царской властью; казалось, Марк Антоний дал государству великий залог того, что он хочет свободы для граждан, коль скоро само звание диктатора, не раз в прежние времена бывавшее законным, он, ввиду свежих воспоминаний о диктатуре постоянной, полностью упразднил в государстве» (Cic. *Phil. I.4*) [12, loc. cit.].

Таким образом, Цицерон хвалит Антония за его попытку примириться с сенатом, и хотя он понимает, что хитрость его противника призвана лишь усыпить бдительность сената,

он использует элементы репутации Антония, как примирившего два враждебных лагеря человека, против него самого, как бы сковывая своего политического оппонента его же собственными заслугами. В то же время достижения Антония Марк Туллий объявляет иллюзорными, кажущимися. Главное, что сделал консул, – он избавил римлян от «царского ига» и упразднил должность диктатора, однако возвращение к республиканским порядкам, тем не менее, не является истинным намерением Антония. Цицерон признает его заслуги перед Римом, но в то же время считает, что дальнейшее его поведение обесценивает эти достижения, перемещает их из области реального в область видимого.

Затем Цицерон говорит об ухудшении политического климата в Риме, о том, что, несмотря на объявленное перемирие, убийцы Цезаря (оратор называет их *patriae liberatores* – освободителями отечества, что ясно показывает его политические симпатии в этом вопросе) не могут вернуться в Рим. Итак, Цицерон выявляет лицемерие и непоследовательность Антония.

Выступая в Сенате, Цицерон недвусмысленно заявляет об опасности своего предприятия. Произнося ранее речь в защиту Секста Розия, он как бы использовал свою тогдашнюю политическую «незначительность» как некоторую гарантию собственной безопасности и одновременно как риторический прием, который помог бы ему получить поддержку более значимых людей, на которых могла бы произвести впечатление его смелость и которые должны были устыдиться их собственной трусости. Начиная свое противоборство с Антонием, Цицерон прекрасно осознает, что на этот раз у него не получится оставаться в относительной безопасности. В начале своей карьеры Марк Туллий сказал, что понимает тех, кто молчит, глядя на несправедливость, молчит из страха за свою жизнь. Однако в своей первой филиппике он как бы отвечает сам себе: если бы с ним что-то произошло, а он понимает, что ему угрожает большая опасность, он, во всяком случае, оставит свой голос Республике и останется верным своим идеалам (Cic. *Phil. I.10*) [12, loc. cit.].

Цицерон не остается молчаливым свидетелем творящейся несправедливости, а решается на действие, которое может стоить (и в конце концов будет стоить) ему жизни. Более того, он выступает за приоритет свободно говорить и отстаивать свою точку зрения над безопасностью. Возможность приходить в сенат, говорить, влиять на жизнь Рима кажется ему важнее собственной безопасности (Cic. *Phil. I.14*) [12, loc. cit.].

Переходя к критике политики Антония и, отчасти, Долабеллы, Цицерон просит слушателей, чтобы его негативные высказывания были поняты верно: он осуждает политику своих оппонентов, а не их человеческие качества (и в первой филиппике этого правила действительно придержи-

вается). Просьбой выслушать его и не испытывать к нему враждебности Марк Туллий добивается прежде всего внимания и снисхождения со стороны аудитории. У Цицерона нет причин верить в благородство Антония, в его способность адекватно эту критику воспринять, однако таким образом он рассчитывал повлиять не на мнение оппонента, а на позицию сенаторов – так же, как и в деле Секста Росция, он взывал к чувству справедливости пассивного большинства.

Критику Цицерон чередует с похвалой в отношении человеческих качеств Антония и Долабеллы. Снова следует отметить, что вряд ли выступавший считал, что сумеет сохранить с ними добрые отношения, но, проявляя доброжелательность и объективность, он вызывает живое сочувствие слушателей. Не отступая перед опасностью и в то же время заверяя, что он будет оберегать свою жизнь в случае необходимости, Цицерон демонстрирует мужество и благородство. Есть основания полагать, что Марк Туллий стремился не столько успокоить гнев Антония, сколько оценить его непредвзято. М. Гриффин, к примеру, отмечает, что несмотря на то, что Цицерон мог быть резок, чаще он проявлял доброжелательность к оппоненту, и уж тем более считал себя обязанным высказать похвалу тому, кто, по его мнению, ее заслуживал, даже если испытывал к этому человеку антипатию [13, с. 750]. Об этом пишет и Т. А. Бобровникова: Цицерон хвалил красноречие злейшего врага своего наставника, а Гракхов, которые были ему глубоко несимпатичны с политической точки зрения, признавал при этом талантливыми ораторами [14, с. 80].

Цицерон, вероятно, понимал, что доброжелательный тон и похвала не позволяют ему избежать опасного обострения отношений с Антонием. Поэтому для Цицерона упоминание о заслугах Антония могло иметь в большей степени этическое, чем политическое значение.

Речь в защиту Секста Росция и первая филиппика весьма отличаются по своему фактическому наполнению, однако обе речи произнесены в атмосфере всеобщего страха и демонстрируют важность верности своим идеалам. Т. Митчелл, анализируя юность Цицерона, пишет о том, что сулланский террор во многом повлиял на его дальнейшие убеждения [15, р. 63].

Страх перед Суллой в Риме прекрасно описан Р. Сигером: у граждан было понимание, что человека можно объявили виновным без суда как такового, а также еще не исчезли из памяти воспоминания об ужасе захвата Рима римлянином [2, с. 193]. Р. Сигер, однако, считает, что Сулла, как и уверяет Цицерон, вероятно, не знал о многих злоупотреблениях [2, с. 229]. В своей речи в защиту Секста Росция Марк Туллий сказал многое, но он не мог высказать все – тем более прямо обвинить Суллу. В начале своей карьеры Цицерон воспользовался отсутствием у него авторитета

среди римлян и, будучи молодым адвокатом, напомнил родовитым гражданам о важности того, чтобы словом и делом поддерживать справедливость и верность государственным идеалам. В конце своей карьеры он говорит уже с позиции политика, который, несмотря на то что ему может угрожать опасность, не может молчать, предавая тем самым идеалы государства, которому служит. Нельзя с уверенностью утверждать, что именно Цицерон испытывал в связи с произнесением первой и последующих филиппик. Бесценной находкой была бы переписка Цицерона с Аттиком, датированная 44 г. до н. э. Именно Аттику как личному другу Цицерон мог доверить намного больше, нежели политическим союзникам. Э. Руусон отмечает, что до нас не дошли письма Цицерона к Аттику, написанные после памятных мартовских ид. Эти бесценные документы, по мнению британской исследовательницы, могли быть уничтожены Аттиком из соображений безопасности [16, с. 543]. Письма Цицерона к его близкому другу были в значительной степени искренними и откровенными, приоткрывающими нам слабости, печали и сомнения их автора.

К сожалению, финальная драма его жизни не получила такого интимного, человечного измерения, и мы не можем узнать о его сомнениях и страхах в то трудное время, когда он решил снова выступить один, нарушив молчание испуганных римлян. Моральная сила этой речи, безусловно, становится больше, когда мы рассматриваем ее в контексте дальнейших событий. П. Гриималь пишет о том, что речь, по-видимому, не возымела ожидаемого автором эффекта, хоть с ее содержанием и склонны были согласиться многие. Вместо этого речь осложнила дальнейшую политическую деятельность Цицерона и вызвала открытую вражду Антония [17, с. 401]. В целом П. Гриималь высказывает интересную мысль: красноречие Цицерона осталось таким же ярким, как во времена знаменитых катилинарий, однако политическая обстановка изменилась. То, что Цицерон мог убедить сенат в своей правоте, уже не являлось решающим козырем в его рукаве. П. Гриималь пишет о том, что множество раз планы Марка Туллия рушились именно так: оратор и интеллектуал убеждал сенат в своей правоте, а затем Антоний или, прежде, Клодий, разрушали задуманное им грубыми, силовыми методами [17, с. 407]. Т. А. Бобровникова характеризует противостояние Антония и Цицерона ярко и поэтично: «тиран, вооруженный до зубов, и оратор, не имеющий ничего, кроме слова» [14, с. 430]. Трагедию Цицерона выразил и Т. Н. Митчелл: по его мнению, Цицерон – прекрасный оратор, который столкнулся с силами слишком серьезными для него [15, р. 219].

В завершении статьи представляется важным выделить обращение Марка Туллия к Антонию, в котором мы отчетливо видим не Цицерона-

интригана, а Цицерона-идеалиста, выражающего свои представления о государстве, основанном на взаимной дружбе сограждан и справедливости: «Итак, сверни с этого пути, прошу тебя, взгляни на своих предков и правь государственным кораблем так, чтобы сограждане радовались тому, что ты рожден на свет, без чего вообще никто не может быть ни счастлив, ни славен, ни невредим» (*Cic. Phil. I. 35*) [12, loc. cit.]

Цицерон, во всяком случае, своей попыткой мужественно прервать молчание добивался именно этого. Эти слова можно посчитать некоей суммой идеалистических представлений Цицерона о римской политике. Если предметом разговора будет не формальная организация и некоторое количество политических процедур, а смысловое наполнение политического действия, в конце концов, останется именно то, что можно считать этическим измерением политики Цицерона: глубокая любовь к своей державе, стремление людей к дружбе, взаимодействию, желание оставить потомкам пример, которым они могли бы гордиться. Мы видим перед собой того же Цицерона, который выводил существование государства из естественного стремления людей к общению и взаимопомощи. Марк Туллий не был лишен недостатков, в основном типичных для своего времени. Однако окончание первой филиппики показывает нам Цицерона, для которого основой политики является этика, и именно эта этика побуждает его к политическому действию, без которого, по его мнению, нельзя спасти Республику.

Безусловно, атмосфера сулланской диктатуры и время правления Марка Антония разнятся, в том числе и по степени проявленности террора. Однако два раза Цицерон сумел выступить посреди хаоса и бессилия в качестве морально-го компаса Республики. Отказавшись смириться с несправедливостью, Цицерон, которому выпало жить на сломе эпох, сумел побороть всеобщий страх и нарушил атмосферу молчания.

Список литературы

1. *Марк Туллий Цицерон. Речи* : в 3 т. Т. 1 (81–63 гг. до н. э.) / пер. с лат. О. В. Горенштейна. М. : Издательство Академии наук СССР, 1962. 504 с.
2. *Cicer P. Сулла* // Последний век Римской республики, 146–43 гг. до н. э. : в 2 полутонах / под ред. Дж.-А. Крука, Э. Линтотта, Э. Роусон ; пер. с англ., предисл., прим. О. В. Любимовой, С. Э. Таривердиевой. М. : Ладомир, 2020. Полутом 1. С. 190–234.
3. *Habicht C. Cicero the Politician*. Baltimore; London : Johns Hopkins University Press, 1990. 148 p.
4. *Мотус А. А. Цицерон и Саллюстий в их отношении к гражданским войнам Древнего Рима* (I в. до н. э.) // Античный мир и археология. 1983. № 5. С. 3–14.
5. *Моммзен Т. История Рима* : в 5 т. Т. 2. От битвы при Пидне до смерти Суллы / пер. с лат. Н. А. Машкин. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 416 с.
6. *Роусон Э. Цезарь: гражданская война и диктатура* // Последний век Римской республики, 146–43 гг. до н. э.: в 2 полутонах / под ред. Дж.-А. Крука, Э. Линтотта, Э. Роусон ; пер. с англ., предисл., прим. О. В. Любимовой, С. Э. Таривердиевой. М. : Ладомир, 2020. Полутом 1. С. 475–528.
7. *Drumann W. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen*. 2. Aufl. / Hrsg. von P. Groebe. Bd. 5. Pomponii, Porcii, Tullii. Leipzig : Verlag von Gebrüder Borntraeger, 1919. 708 S.
8. *Буасье Г. Цицерон и его друзья* / пер. с фр. М. Н. Корсак. М. : Вече, 2021. 400 с.
9. *Штоль Г. История Древнего Рима в биографиях* / пер. с нем. Я. В. Гуревич. М. : Русич, 2003. 576 с.
10. *Утченко С. Л. Цицерон и его время*. М. : Мысль, 1986. 352 с.
11. *Цицерон Марк Туллий. Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту* / пер. с лат. В. О. Горенштейна : в 3 т. Т. III. Годы 46–43 до н. э. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1951. 828 с.
12. *M. Tulli Ciceronis Orationes. [T. VI]. Pro Milone. Pro Marcello. Pro Ligario. Pro rege Deiotaro. Philippicae I–XIV / recognovit brevique adnotatione critica inatruxit A. C. Clark. Oxonii: E Typographeo Clarendoniano, 1901. Sine paginis.*
13. *Гриффин М. Интеллектуальные тенденции в эпоху Цицерона* // Последний век Римской республики, 146–43 гг. до н. э. : в 2 полутонах / под ред. Дж.-А. Крука, Э. Линтотта, Э. Роусон ; пер. с англ., предисл., прим. О. В. Любимовой, С. Э. Таривердиевой. М. : Ладомир, 2020. Полутом 2. С. 792–838.
14. *Бобровникова Т. А. Цицерон: Интеллигент в дни революции*. М. : Молодая гвардия, 2006. 532 с.
15. *Mitchell T. N. Cicero: The Ascending Years*. London : Yale University Press, 1979. 259 p.
16. *Роусон Э. После мартовских ид* // Последний век Римской республики, 146–43 гг. до н. э. : в 2 полутонах / под ред. Дж.-А. Крука, Э. Линтотта, Э. Роусон ; пер. с англ., предисл., прим. О. В. Любимовой, С. Э. Таривердиевой. М. : Ладомир, 2020. С. 529–555.
17. *Грималь П. Цицерон* / пер. с фр. Г. С. Кнабе, Р. Б. Сашина. М. : Молодая гвардия, 1991. 544 с.

Поступила в редакцию 25.05.2024; одобрена после рецензирования 11.06.2024;
принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 25.05.2024; approved after reviewing 11.06.2024;
accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025